

лософа о значении причинно-следственной связи в «истории», по выражению Щербатова — «науке притчин».⁵² Стремление Щербатова (может быть, не всегда удачно осуществленное)⁵³ следовать этой «науке», представлять исторические явления в виде непрерывной цепи причин и следствий, реально сближало позиции двух русских историков. В 1811 г. записку «О древней и новой России» Карамзин начинает словами: «Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее». Карамзин, не вдаваясь в рассуждения, передает суть своего понимания проблемы причинности, близко следуя логике рассуждений Юма.⁵⁴

Отношение Карамзина к Юму даже в рамках одного «Предисловия» оказывается намного сложнее того явного противостояния, которое бросается в глаза при первом рассмотрении: «национальный бытописатель» Карамзин и «холодный», «беспристрастный» Юм. Карамзин, как и много лет назад, признавая Юма, «совершеннейшим из Новых», в то же время не мог мириться с его индифферентностью национальной идее.

Свою концепцию создания национальной истории Карамзин, оставаясь в сущности, под глубоким впечатлением методологии истории Юма, тем не менее строит на открытом несогласии с его национальным индифферентизмом и на скрытой полемике с теми положениями, которые сам ранее разделял. Карамзинская национальная идея требовала от историка уважения ко всем без исключения историческим материалам и фактам русской истории, что само по себе выходило за рамки прагматической историографии. Для реализации этого условия Карамзин в своей «Истории» прибегнул к созданию фактически второго, «параллельного изложения русской истории»⁵⁵ — Примечаний. Это полностью противоречило тому, что раньше, в «Письмах русского путешественника», он утверждал со ссылкой на Юма: «Родословная князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны <...>, но зачем наполнять ими целые тома? Что не важно, то сократить, как сделал Юм в Английской истории».⁵⁶ Не только опыт Юма в английской истории, но и

⁵² Щербатов М. М. Указ. соч. С. XVI.

⁵³ Пештич С. А. Указ. соч. С. 16—17

⁵⁴ Характерна, в духе Юма, конечная цель данной формулы — читательское восприятие.

⁵⁵ Лотман Ю. М. К структуре диалогического текста в поэмах Пушкина // Пушкин и его современники. Псков. 1979. С. 110

⁵⁶ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л., 1987. С. 252—253.